

Анатолий Гусев

12+

Гибель красного атамана

Анатолий Гусев

Гибель красного атамана

«Автор»

2019

Гусев А. А.

Гибель красного атамана / А. А. Гусев — «Автор», 2019

Февраль 1918 года. На Тихом Дону кипят страсти. Войсковой старшина Голубов, всю жизнь мечтавший стать донским атаманом, как никогда близок к своей мечте. Царицынский реввоенсовет назначил его атаманом, но ему хотелось стать настоящим, выборным.

© Гусев А. А., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Гибель красного атамана

Глава

Гибель красного атамана

Позёмка сметала снег с сугробов и бросала его под копыта лошадей. Казачий полк под командованием войскового старшины Николая Голубова приближался к Новочеркаску. Вечер 12 февраля 1918 года, а у новой власти – 25 февраля, только к этому ещё не привыкли, а многие и не знали об этом. Но приказы по красной гвардии поступали по новым датам. Вот и недавно поступил приказ от самого товарища Ленина взять столицу Тихого Дона. Взять Новочеркасск и арестовать Донское правительство, поручено было лично ему, красному атаману Голубову Николаю Матвеевичу.

В январе 1918 года в Царицыне, революционным военным советом был организован небольшой отряд из донских казаков под предводительством Голубова для поимки атамана Каледина, объезжавшего свой родной Усть-Медведицкий округ. Каледина поднять казаков против Советской власти не удалось. Зато ему, Николаю Голубову, удалось привлечь на сторону большевиков казаков и даже некоторых казачьих офицеров. Царицынский реввоенсовет оценил деятельность бывшего войскового старшины и прислал приказ о назначении его атаманом Войска Донского, невзирая на то, что законного, выбранного атамана Войска Донского Каледина арестовать не получилось.

С детства Голубову хотелось стать атаманом. Всё в нём удалось на славу: и стать богатырская, и ум недюжинный, и трудолюбие, и усердие, но счастья не было. Так он считал. На самом деле виноват взрывной, неуступчивый и свободолюбивый характер Голубова. Дрался он с малолетства и всегда искал драки сам. Имея огромный рост и силу, он почти всегда выходил из драки победителем. Отсюда росла его самоуверенность, он с удовольствием ввязывался в любую авантюру, и, как правило, всё у него удавалось. За это и не любили его. Даже храбрость его считали показной. На фронте он не кланялся ни пулям, ни снарядам, ходил прямой, как будто кол проглотил, был шестнадцать раз ранен. «Так это дурость, а не храбрость», – говорили казаки. Другие возражали, утверждая, что это и есть храбрость самая что ни на есть настоящая.

Однажды Голубов был представлен государю императору. «Вот оно, – забилося сердце, – удача!» Император Николай был восхищён тёзкой.

Но неподдельное восхищение – это всё, что дал ему император.

Голубов лелеял надежду, служил рьяно, что называется, не за страх, а за совесть. Поэтому и под пулями ходил не кланялся. Всё думал: «А вдруг там наверху услышат о нём?» И будет в Санкт-Петербурге император Николай, а в Новочеркаске – его верноподданный атаман Николай Голубов.

Но императора вскоре вынудили отречься от престола. В России началась смута. Голубов выжидал. В ноябре 1917 года сила обозначилась за большевиками, и Голубов примкнул к ним, объявив себя социалистом-революционером. Только он уже не хотел быть ничьим верноподданным. Если уж империя развалилась, то почему бы не прибрать к рукам осколок её? Голубов захотел стать полноправным правителем Области Войска Донского. С помощью большевиков он надеялся захватить власть на Дону, а потом избавиться от них. Подло? Да. Но цель оправдывает средства.

И вот его надежды начинают сбываться. Осталось только доехать до Войскового Круга и арестовать нынешнего выбранного атамана Назарова.

Одно угнетало – завоевать любовь казаков так и не получилось. Впрочем, это не получилось и у Каледина, и у есаула Чернецова.

Чернецову атаман Голубов особенно завидовал. Донской партизан, сражавшийся с большевиками, Василий Чернецов был до мозга костей казак. В нём было то, что так не хватало Голубову: лихость и отчаянная храбрость. Не храбрость от самоуверенности, что с ним ничего не будет, а именно настоящая. Чернецова бросают в бой везде, где существует угроза белым, и везде он добивается успеха. Именно за это Василию Чернецову, есаулу, присвоили звание полковника через чин, минуя звание войскового старшины. Обидно до скрежета зубного. Двадцать шесть лет казаку, а уже полковник. Голубов, на десять лет старше Чернецова, он выцарапывал звания, с трудом дослужился до войскового старшины, а тут сразу – раз, и в полковники. Но одержал победу над ним именно он, Голубов. Да куда уж этому щенку Ваське против него, старого волка. Окружил и взял в плен. А упустил его этот растяпа Подтёлков. Вокруг пальца обвёл, как мальчишку! Обманул, отвлёк внимание и сбежал. Растерялся наглости Васьки председатель Донского казачьего Военно-Революционного комитета. И схваченные Голубовым партизаны разбежались. Чернецов ускакал в родную станицу, но там его свои же и выдали. Подтёлков повёз его к Голубову, да не довёз, зарубил шашкой. На Ваську были планы у Голубова, ругался на Подтёлкова, да что толку? Чернецова не воскресить!

И Каледин застрелился. А как хотелось Голубову арестовать именно Каледина. Не везёт! А вот и здание Войскового Круга, окна горят, там идёт собрание.

Члены Войскового Круга вернулись из церкви. Началась обычная говорильня ни о чём.

Атаман Войска Донского Анатолий Михайлович Назаров сидел, подперев голову двумя руками, и смотрел перед собой невидящим взглядом, погружённый в свои думы.

Не хотел он становиться атаманом, обстоятельства так сложились. После смерти Каледина никого другого бы и не выбрали. Это было очевидно, согласно всем традициям и обычаям Тихого Дона.

Каледин застрелился с отчаяния, надеясь, что его смерть всколыхнёт казаков, но этого не произошло. Каледина похоронили у ограды перед кладбищем, как и положено хоронить самоубийц.

На Кругу кричали: «Назарова – атаманом! Назарова!» Он отказывался. Не только по обычаю, знал, что это кончится плохо, а конкретно – его смертью, предчувствовал это. Сдался, уступил Кругу, смирился с судьбой. Согласился на определённых условиях. Он решил бороться по-казачьи до конца. Спасти себя и Тихий Дон.

Круг в этот день постановил:

Атаман облачается всей полнотой власти.

Защищать Дон до последней капли крови.

Объявить «сполох» и немедленно начать формирование казачьих дружин.

Дружины немедленно отправлять на фронт.

Объявить мобилизацию всех работающих на оборону.

Ввести смертную казнь.

Настаивать, чтобы Войсковой атаман исполнил долг истинного сына Тихого Дона.

Назаров тихо, но твёрдо произнёс:

– Свой долг я исполню.

Началось формирование казачьих дружин. Казаки неохотно в них вступали, но покидали их с большой охотой.

Большевики наступали, Добровольческая армия Корнилова пыталась их сдерживать, казаки держали нейтралитет. Не выдержав натиска красных, Корнилов решил вывести из Ростова Добровольческую армию, и 9 февраля она покинула город.

Сразу же после этого Войсковым Кругом была направлена делегация к командиру группы красных войск Юрию Саблину, с просьбой не вводить войска в Ростов и Новочеркасск. Добровольческая армия ушла, а это было основным требованием большевиков. Войсковой Круг –

это, в общем-то, и есть своя собственная Советская власть, а другой извне им не надо. Выслушав делегацию, Саблин честно, с солдатской прямоотой, объявил:

– Казачество, как таковое, должно быть уничтожено с его сословностью и привилегиями, это обязательное условие. А кто считает, что Советская власть ему ни к чему, тот враг Советской власти и подлежит расстрелу.

Тем более что есть приказ Ленина о немедленном взятии Ростова и Новочеркасска. О приказе он делегации докладывать не стал, но войска двинул сразу же вслед за ней.

Походный атаман генерал Пётр Харитонович Попов, покидая Ростов на следующий день после Корнилова, прислал за Назаровым конный разъезд с запасной лошадей, передав на словах, что надо ехать. Назаров отказался – или вместе с Кругом, или никак. А Круг, на что-то надеясь, ждал делегацию. Дождались. Делегация вернулась ни с чем. И вот сейчас Войсковой Круг обсуждал предложение атамана об уходе вслед за Поповым в степи, где можно будет дожидаться более благополучных времён. Или всё-таки остаться в Новочеркасске, где у всех были семьи, дома, имущество, надеясь на милость большевиков, а не болтаться неприкаянными в холодной степи?

– Не звери же большевики? Казаки – трудовое сословие, а большевики – за трудящихся.

– Казаки – привилегированное сословие, – возразил Назаров, – а, значит, с точки зрения остальных крестьян России – богатое.

– А большевики всех богатых хотят уничтожить, – поддержал атамана Волошинов, председатель войскового Круга.

– Нет, не может такого быть, – посыпались возражения.

– Лучше всё-таки к Попову от греха подальше.

Но было поздно. Ударом ноги дверь в зал заседаний распахнулась, и вошёл атаман Голубов со своими казаками. Они все в чёрных папахах, на папахах ленты красного кумача.

– Встать! – рявкнул Голубов.

Члены Войскового Круга, а их было около двух сотен, встали по стойке смирно перед десятком голубовских казаков.

Сидеть остался только атаман Войска Донского Анатолий Назаров.

Глаза Голубева налились кровью, и он направился к столу президиума, где сидел атаман.

– Встать! – зло закричал Голубов.

Назаров повернулся к нему, оглядел с ног до головы и спокойно спросил:

– Ты кто такой?

– Я революционный атаман Голубов Николай Матвеевич.

Глыба Голубова нависла над коренастым, большеголовым, с большими залысинами, атаманом Назаровым.

– Милостью царицынских рабочих, – чёрные усы Назарова презрительно топорщились.

– Власть рабочая.

– Нет такой власти на Дону.

– Будет, – неистово крикнул Голубов и сорвал с Назарова погоны.

– Да я и без погон атаман Войска Донского, – голубые глаза смотрели презрительно на Голубова, – а вот ты, Николай Матвеевич, больше не войсковой старшина, да и не казак больше.

– Я комдив Красной армии, – и казакам. – Арестовать.

Казаки подскочили к Назарову, намереваясь схватить его за руки.

– Отставить! – приказал войсковой атаман.

Казаки отскочили. Назаров встал, оправил китель и казакам:

– Ведите, – и пошёл вперёд, казаки за ним.

– И председателя Круга войскового старшину Волошинова туда же, – приказал Голубов.

– А как же мы? – донеслось беспомощное из рядов членов Войскового Круга.

– Убирайтесь к чёрту! – закричал Голубов. – Не до вас мне.

И члены Войскового Круга бросились к дверям.

Голубов смотрел на это, ухмыляясь: «Победа». Новый Войсковой Круг трудового казачества выберет атаманом именно его, в этом нет сомнений.

Теперь надо избавиться от большевиков и установить на Дону собственную власть. И первое, что надо сделать, это взять под свой контроль арсенал. Голубов с казаками захватил атаманский дворец, а там забрал себе вороного жеребца атамана Каледина и на нём отправился к арсеналу.

По дороге заметили, что группа красногвардейцев поставила к стене дома двоих студентов и намерена их расстрелять.

– А ну стой! – загремел Голубов. – Что это вы тут затеяли?

– Кадетов расстреливаем, – простодушно сообщил командир красногвардейцев.

– Кадеты – это конституционные демократы или учащиеся военных училищ, а это... – он подъехал к двум студентам, – студенты Новочеркасского реального училища.

Один из студентов дрожал от страха, по лицу его текли слёзы, другой как бы уже отрёкся от себя и ничего вокруг себя не замечал. Голубов дружески кивнул студентам, мол, всё обойдётся.

– Они будущие мастера, начальники над рабочими, – продолжил Голубов.

– Во! Начальники! Над рабочим классом будут измываться. Значит, к ногтю, – обрадовался командир.

– Тогда и тебя к ногтю. Ты тоже начальник, – и студентам: – Идите домой и по ночам не шатайтесь.

– А ты кто такой? Распоряжаешься тут.

– Я красный атаман Голубов. И не распоряжаюсь, а приказываю отпустить ребят.

– Ну, тогда вся ответственность на тебе, товарищ Голубов.

– Конечно. Идите, ребята, чего стоите?

Тот, что плакал, взял другого за рукав и повёл в темноту. Он очнулся, когда они уже были довольно-таки далеко от того места, где их собирались расстрелять.

– Где мы, Федя? Что с нами?

– Пока не в раю. Отпустили нас.

Слёзы у Фёдора уже высохли, а штаны по-прежнему мокрые, хорошо, что это не видно, хотя Голубов мог догадаться. Они пошли вперёд. На перекрёстке понуро стояли две привязанные к дереву лошади, неподалёку лежали трупы их хозяев. Студенты подошли.

– Офицеры, – сказал очевидное тот, кого звали Фёдор.

Он срезал перочинным ножом погоны у одного из них:

– Подпоручик. У казаков – хорунжий. Пригодятся. Обязательно выбьюсь в офицеры, как брат.

– Они пехотные, – обратил внимание на принадлежность погон спутник Фёдора.

– Не важно. Берём лошадей, и уходим, – сказал Фёдор, пряча в карман шинели погоны.

– Ты куда?

– Домой, в Раздоры. А ты?

– К Корнилову. Он вроде как в Ольгинской. Догоню. Может быть, со мной?

– Нет. Домой.

На следующий день, 13 февраля Голубов направился к Саблину.

Саблин смотрел на Голубова красными от бессонницы глазами:

– Ты кто такой, комдив? Что значит: «Ты будешь лично устанавливать Советскую власть на Дону?» Тебя контузило или ты самогону хлебнул? Может быть, ты товарищ Ленин или товарищ Троцкий? Тебя кто уполномочивал? Ты всего-навсего командир авангарда моей группы

войск. Я, дорогой товарищ, два месяца с боями продвигался к Ростову и Новочеркасску, а теперь ты мне говоришь: «Уходи». И это когда я победил белую контру? Ты кто такой, комдив?

Голубов ушёл от Саблина ни с чем.

В Новочеркасске и Ростове началась вакханалия грабежа. Кровавая анархия. Грабили все, у кого было оружие. Все, у кого было оружие, стали яростными большевиками. Опьянев от крови и безнаказанности, расстреливали всех подряд без скидок на пол и возраст, лишь бы хоть немного подходили под понятие «контрреволюционер», хотя бы грамотной речью. Особенно досталось офицерам. Часть их рванула на юг к Корнилову, кто не хотел воевать ни за белых, ни за красных, разными путями стали пробираться за границу.

– Это что же такое творится? – спрашивали казаки Голубова. – Баб да мальчишек стреляют! Это такая власть тепереча будет?

Голубов ответа не знал, ему тоже всё это не нравилось, но привёл в Новочеркасск большевиков именно он, и этого отрицать было нельзя. Совесть подсказывала – надо что-то делать. Чужаки грабили родной ему город.

Атамана Назарова и председателя Войскового Круга Волошинова препроводили на городскую гауптвахту, выделили отдельное помещение каждому. Охрана была только у входа наружу, поэтому заключённым никто не мешал общаться между собой, да и с охраной тоже. Охрану несли попеременно казаки 10-го и 27-го Донских полков, сидельцы для них были своими: или бывшими командирами, или сослуживцами, фронтовиками.

Атмосфера на гауптвахте среди заключённых царила напряжённо-нервная. Ничего хорошего для себя арестованные не ждали.

Назаров в первую же ночь написал прощальное письмо жене, где, кроме всего прочего, сообщил, что его двум сыновьям памяти отца стыдиться не придётся. Держал он себя с достоинством, как подобает атаману и генералу.

Как-то, в самом начале, на гауптвахту забрёл пьяный матрос с надписью «Аврора» на бескозырке. Он ходил, шатаясь, по гауптвахте, ругался матерно и грозился. Анатолий Михайлович вышел на шум из своего помещения, оценил происходящее и громко произнёс:

– Урядник.

Явился урядник, начальник караула, вытянулся перед атаманом в струнку, по стойке «смирно», взял под козырёк.

– Это что? – в приказном тоне сказал атаман. – Убрать этого мерзавца отсюда. И больше не пускать сюда эту сволочь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.